

ЗЕРКАЛО ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Читатели ведут разговор с кинорежиссером Вадимом Абдрашитовым

о проблемах молодежи, ценностях истинных и мнимых

Одну из главных наград завершенного недавно в Италии 44-го Венецианского кинофестиваля — премию итальянского сената золотую медаль «За произведение, способствующее укреплению прогресса и нравственности во взаимоотношениях между людьми» — получил фильм советского кинорежиссера Вадима Абдрашитова по сценарию Александра Мишадзе «Плюмбум, или Опасная игра».

Однако, соглашаясь с тем, что «Плюмбум», безусловно, самая шумевшая лента фестиваля, итальянские критики разошлись в оценке характера главного героя. Впрочем, споры об этом фильме характерны и для нашей страны. За полгода проката его посмотрело рекордное для столь сложного, неоднозначного произведения число зрителей — 15 миллионов.

Зададимся и мы вопросом: насколько реальны, типичны плюмбумы? Почему опасны их игры? Как могло случиться, что их холодные глаза нет-нет да и встречаются нам на работе, в метро, даже на детской площадке? В газету «Советская Россия» и в редакцию коммунистического воспитания молодежи ТАСС приходит много писем от зрителей с просьбами встретиться с создателями вызвавшей столь большой общественной резонанс ленты, порассуждать о неожиданном феномене в молодежной среде.

Мы встретились с Вадимом Абдрашитовым, вместе читали почту, поступившую на его фильм. Поэтому и интервью получилось не совсем обычным: ход беседы как бы направляли зрительские отклики.

— В адрес киностудии, — говорит Вадим Абдрашитов, — за последние месяцы пришли сотни взволнованных писем. Вначале об откликах тех, кто считает, что о поднятых проблемах говорить вообще не нужно. Что, мол, пагубна такая картина для молодых — те воспримут только отрицательное. Вот что, например, пишет ветеран труда А. Кедрова из Московской области: «Фильм не только плохой, но и вредный. Все герои — сгнилдой... А ведь зритель не обязан сам делать вывод, искать ответы на поставленные в кино вопросы... Наши фильмы должны прививать молодежи хорошие вкусы, высокую культуру, благородство, желание подражать персонажам. И когда говорят, что молодежь ищет и находит что-то новое, то ошибаются. Надо все это так называемое «новое» отмечать прочь».

— Подобные мнения нередки. Они, на мой взгляд, — верное зеркало воззрений части зрительской аудитории. И сегодня для многих запретительное представляется единственным средством воспитания. Не потому ли так резки эти отклики, что их авторы узнали в некоторых персонажах фильма самих себя? Считают, что молодежное кино не должно ставить острых вопросов.

— А по-моему, не надо вообще разделять кино на молодежное и для других зрителей. Я бы сказал так: есть киноискусство и есть поделка. «Плюмбум» свят и для тех, кто юн, и для их родителей, словом, для того, чтобы привлечь внимание, подумать о феномене подобных опасных игр.

Вспомним, лучшие книги для детей написаны писателями, которые с юным читателем разговаривают на равных. А когда в том или ином фильме замечаю искусственный, назидательный тон по отношению к молодому зрителю или, напротив, когда зрелый дядя-режиссер бьет себя в грудь: «Я ваш, я свой», это, думаю, просто очередная конъюнктурная мимикрия. К ней нет доверия ни у взрослых, ни у молодых. Требование к картинкам на молодежную тему только одно — говорить правду. А для того, чтобы эти фильмы относились к искусству, нужно, чтобы правда была осмыслена художественно.

— Вот письмо из Тюмени: «Я узнала в «Плюмбуме» себя. В душе я тоже «металлическая». В школе — примерная, активная, а после нее словно маску срываю: с легкостью могу оскорбить, унижить человека. И мои родители об этом ничего не знают. Фильм помог задуматься, осознать свою жизнь».

— Да, порой подростки разбирают фильм глубже, чем кинокритики. И, надо сказать, приходят к очень неприятным для взрослых выводам. Позволю себе процитировать из письма ижевского девятиклассника Андрея Смирнова: «Мне 15 лет, я ровесник героя ленты. Конечно, за один вечер трудно составить мнение о Плюмбуме. Но одно мне ясно — нельзя считать его полностью и абсолютно неправым. Он — отражение проблем общества. В этом фильме я увидел, что:

а) люди старшего поколения начинают «мариниться» в собственном соку»;

б) как следствие, «не высываются», «больше всех» им не надо, и если они и борются со злом, то чаще на словах;

в) а мы-то, их дети, все видим!»

И мне героя фильма жалко. Ведь это вы, взрослые, сделали из Руслана Плюмбума!»

— Выходит, юность как бы привлекает старшие поколения к духовной ответственности? Правильно ли это?

— Здесь все непростое. Наше сформировало время. Но пытаюсь защитить родителей Плюмбума, все же скажу: часто отсутствие жизненной позиции — не столько вина отцов, сколько беда. Они во многих случаях жила иначе, видимо, не могли. А подростки, привлекающие близких хотя бы и к духовной ответственности, — это ведь тоже, согласитесь, в некотором роде «плюмбизм». Родители есть родители. Впрочем, слова процитирую письмо: «Не вина, а трагедия старших, что в семьях порой воспитываются моральные уроды, — отмечает Л. Писаренко из Львова. — Ведь взрослые подчас слепы, но видят даже очевидного. И их можно понять, даже когда они с павным умилением слушают глупые песенки по телевизору. Хорошо, что на ваш фильм сейчас водят детей и перед сеансом учителя объясняют, что Плюмбум не положительный герой, что не нужно брать с него пример. Это говорит о том, насколько здоровее становится наше общество».

— Мои сверстники входили в жизнь в начале 60-х годов, можно сказать, в период духовного репресса. И это обстоятельство не могло не отразиться на нашем становле-

нии. 70-е же годы были совсем другими. В умах воцарялся прагматизм равнодушия. Это, конечно, сказалось и на молодежи. Мы были в большей степени идеалистами. Прекрасно, когда время духовного мужания человека совпадает с нравственным очищением общества. Так получилось у нас. Замечательной в этой связи представляется мне судьба и ребят, которым сейчас 12—14 лет.

— Однако знаем, что идеалисты 60-х позднее стали прагматиками, как, кстати, и родители вашего героя Руслана Чутко. Получается, от идеализма до конформизма — один шаг?

— Когда атмосфера в обществе стала иной, изменились и люди. А конформизм, что скрывать, тот самый извечный психологический механизм, с помощью которого идеалисты — и не только они — выживают. Впрочем, убежден, то, что сейчас происходит в стране, — не внезапный поворот, он назревал, и, смею надеяться, в этом участвовало и наше поколение.

С другой стороны, действительно, в 70-е годы появились и люди, похожие на родителей Плюмбума. Вспомните, как поют эти герои песню Окуджавы: даже романтический пафос сводит к привычному неосознанному притворству.

— Вы считаете, они — потерпевшие для общества поколение?

— Надеюсь, для человека никогда не поздно реализовать все хорошее, что в нем есть. А сейчас как раз такое время...

— Во многих письмах есть мысль, что в годы, о которых вы рассказываете, между поколениями появилась стена недопонимания.

— Безусловно. И мне кажется, чтобы пробить в ней брешь, нужен обмен с молодежью должен быть односторонним: ничего, кроме правды, взаимоотношения на равных. Я думаю, что первоначального антагонизма между поколениями нет. Хотя сейчас палица некоторая растерянность в них взрослых перед теми качествами молодежи, которые развились у них на глазах. Растерянность, я бы сказал, перед зеркалом. Что ж, нет другого способа воспитания, чем жить по совести нам самим.

— Многие зрители старшего поколения объясняют появление плюмбумов влиянием различных неформальных молодежных объединений, распространением рок-музыки. Обвиняют так называемую молодежную субкультуру. Как, по-вашему, нужно взрослым относиться к новым увлечениям молодых?

— Спокойно и трезво. Если в их творениях есть хоть толика искусства, это всегда заметно. А если искусства нет, то об этом надо прямо говорить. Выражения «молодежная культура» или «молодежное искусство», мне кажется, неточные и неверные словосочетания. Нужно говорить об одной общей культуре народа с разными ее проявлениями и выбирать, что талантливо. Есть культура, а есть бескультурие. И с этой точки зрения мы должны рассматривать все то, что происходит в молодежной среде. Пусть это будет даже странно, непривычно. Хотя есть и огромное число групп, у которых нет ничего, кроме попыток подража-

ния. Однако они настойчивы, агрессивны в требованиях признать их именно в сфере искусства. Такая позиция, по сути дела, совпадает с подходом бюрократа, которого молодежь так ярко критикует.

Может быть, кое-кого покинет само слово «рок», пугает необычность формы этой музыки. Некоторые до сих пор отрицают его только потому, что он родился за границей. Конечно, эта музыка не произрастает из наших национальных фольклорных структур. Но можно привести немало примеров «кочующих» стилей в искусстве.

Если уж мы заговорили о поисках «общего языка», стоит привести письмо ленинградки Н. Бобровой: «Я родилась сразу после войны. В материальном плане мы жили, как многие тогда, — коммунальная квартира, темный двор-колодец. Но главное не это, а люди, которые меня окружали. Мама тонко реагировала на все движения моей души, увлекалась моими увлечениями. Я вспоминаю, когда отец, а мне уже было лет 19, стал спорить о каких-то молодежных проблемах, навязывая свое мнение, а человек он был категоричный. И тогда мама сказала: «Знаешь, мы, наверное, должны прислушиваться и к молодым, они живут и мыслят по-другому, а это не всегда плохо, нам у них тоже есть чему поучиться». Люди вокруг меня были бесребренниками. О деньгах, вещах вообще мало говорили... Для отца — очень сложного человека — важнейшим было следование совести. И это вызвало большое уважение. Вот что разбудил во мне ваш фильм».

— В качестве следующего вопроса я тоже процитирую письмо от старшеклассницы Ольги Рыжиковой из Смоленска: «Такого подростка в жизни мы не встречаем, но одновременно некоторые черты характера Руслана я замечаю даже у своих одноклассников. Что-то притягивает к нему как магнитом, хотя понятно, что его поступки безнравственны».

— Плюмбум и похож на тысячи сверстников, и уникален. Но его особенности, на мой взгляд, характерны. Картина как раз говорит о том, что для проявления социальной активности нужно иметь вековое духовное право, должна быть умудренность жизни и сердца. Ведь не исключена опасность, что плюмбумы могут пробиться на авансцену общества. Впрочем, подобные Русланы в том или ином виде всегда существуют. Но в периоды, когда у них появляется возможность проявить гиперсоциальную активность, от общества требуется особая бдительность. Между тем встречаются письма, авторы которых просто-таки ждут прихода такого Плюмбума. Вот что опасно.

Последняя выдержка — как итог нашего разговора — из письма шестнадцатилетнего школьника Э. Бродянского из Кременчуга: «Из старого, грязного и слежавшегося снега потекли чистые ручейки, если пригрет солнце. Если же его лишить этого тепла, то он так и останется старым, грязным, слежавшимся снегом».

Беседу вел А. КУКЛИН.
(Корр. ТАСС — для «Советской России»).